ПРАВОСЛАВНАЯ ЖИЗНЬ

Orthodox Life

Ежемѣсячное приложеніе
къ журналу
„Православная Русь".

9

СЕНТЯБРЬ 1960 SEPTEMBER

Second-class postage paid at Jordanville, New York.
U. S. A
Holy Trinity Monastery, Jordanville. N. Y.

LIBRARY of the
PATRIARCH ATHENAGORAS
ORTHODOX INSTITUTE
at the GRADUATE

ОГЛАВЛЕНІЕ:

Слово на 15-ю недѣлю по Пятидесятницѣ. Приснопамятнаго архіеп. Симона. 3
Образъ смиренномудрія (100 лѣтъ со дня кончины оптинскаго старца Макарія). Глѣба Подмошенскаго. 4
Тебе, Предвѣчнаго Отца, вся земля величаетъ. Стихотвореніе Анны Самойловичъ. 15

Отдѣлъ юношескій и дѣтскій.

Чудо св. Архистратига Михаила въ Хонѣхъ. М. В. 16
Явленіе св. Архистратига Михаила на горѣ Горганъ. М. В. 20
Чудесное спасеніе пастуха св. Архистратигомъ Михаиломъ. М. В. 22
Свѣтлая радость русскаго дѣтства. Отъѣздъ. М. В. 26

Училище благочестія.

Приснопамятнаго епископа Игнатія Брянчанинова. О терпѣніи. 32

Учитесь читать и молиться по церковно-славянски.

ИЗДАНІЕ СВЯТО-ТРОИЦКАГО МОНАСТЫРЯ.

Вышла изъ печати брошюрка подъ этимъ заголовкомъ, которая заслуживаетъ самаго широкаго распространенія и должна бы быть въ каждой семьѣ. Воспроизведеніе иконы св. равноап. Кирилла и Меѳодія; подъ ней слова св. Кирилла о значеніи слова Божія, далѣе алфавитъ церковно-славянскій и краткія свѣдѣнія о церковно-славянскомъ языкѣ, достаточныя для того, чтобы можно было читать и понимать русскому человѣку церковно-славянскій текстъ — и, наконецъ, полный составъ на церковно-славянскомъ языкѣ утреннихъ и вечернихъ молитвъ. Можно много говорить и писать о значеніи церковно-славянскаго языка для истинно-церковной жизни русскихъ православныхъ людей и о необходимости дѣлать этотъ языкъ доступнымъ для подрастающаго поколѣнія, но эти рѣчи остаются мертвой буквой, если въ руки не дается практическая возможность достигнуть этого. Тутъ въ простой формѣ эта возможность явлена — и такъ, чтобы ее легко было каждому осуществлять съ даннаго дня неотступно. Помоги Богъ этой брошюркѣ послужить духовному возрожденію Зарубежья.

32 страницы. Цѣна одного экз. 15 ¢.

Для школъ и приходовъ, заказывающихъ въ значительномъ количествѣ, цѣна одного экз. 5 ¢. Пересылка за счетъ закащика.

Слово на 15-ю недѣлю по Пятидесятницѣ.

ПРИСНОПАМЯТНАГО АРХІЕП. СИМОНА, НАЧАЛЬНИКА ДУХОВНОЙ МИССІИ ВЪ КИТАѢ.

(Краткое содржаніе).

Въ Посланіи къ Коринфянамъ Апостолъ Павелъ опредѣляетъ свое служеніе, какъ благовѣстіе о славѣ Христовой (II Кор. IV, 3-4). «Не себя мы проповѣдуемъ, но Христа Іисуса Господа . . .» Не своимъ свѣтомъ свѣтимъ, какъ бы говоритъ онъ, а свѣтитъ въ насъ Христосъ. Поручено намъ, какъ бы говоритъ онъ, ясно показать людямъ ту Божественную славу, которая открылась въ Іисусѣ Христѣ послѣ Его воскресенія.

Кто нибудь скажетъ: зачѣмъ мнѣ знать объ этой славѣ? Позаботьтесь лучше объ утѣшеніи несчастныхъ насущнымъ хлѣбомъ, а о славѣ они и не мечтаютъ.

Да, несчастныхъ много, но потому ли они несчастны, что нѣтъ у нихъ хлѣба? Не потому ли, что не могутъ найти такихъ, кто былъ бы имъ свой?

Вамъ о томъ и говорятъ, возразятъ мнѣ, что нужна проповѣдь о любви.

Хорошо, обратимся съ такой проповѣдью къ «счастливымъ», которые не знаютъ нужды.

Есть ли такой богачъ, который удовлетворилъ бы всѣ нужды нуждающихся? — Всегда останутся еще несчастные, а кромѣ того еще и такіе, которые, получивъ нужное, не проявятъ радости и благодарности. Изъ десяти прокаженныхъ только одинъ воздалъ славу Богу за исцѣленіе.

Трудно удовлетворить всѣ нужды, но еще труднѣе озарить радостью сердца неблагодарныхъ. Безумны попытки устроить рай на землѣ. Даже тамъ, гдѣ по словамъ Апостола у всѣхъ была едина душа и едино сердце, и тамъ имѣлъ мѣсто ропотъ.

Истинно слово Писанія: не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ». Есть другой способъ утолить горечь нужды. Апостолъ говоритъ (II Кор. VI, 10): «Въ скорби — всегда радуемся, нищи — но многихъ обогащаемъ, ничего не имѣемъ — но всѣмъ обладаемъ. Когда я немощенъ — тогда я силенъ».

Радость и благодушіе — не отъ достатка. Источникъ ихъ въ самой душѣ. Радость, благодушіе и благодарность — плоды

духовные, свидѣтельствующіе, что обладающая ими душа живетъ по духу.

Только проникнутый страхомъ Божіимъ человѣкъ способенъ смягчать озлобленныя сердца.

Вотъ для чего намъ нужно познаніе славы Христовой: въ этомъ познаніи — источникъ жизни, ибо кто во Христѣ, тотъ новая тварь, а кто не позналъ славы Его, тотъ чуждъ этой жизни.

Образъ смиренномудрія.

100 ЛѢТЪ СО ДНЯ КОНЧИНЫ ОПТИНСКАГО СТАРЦА МАКАРІЯ.

Въ своихъ "Бесѣдахъ съ собственнымъ сердцемъ" Владыка Митрополитъ Анастасій пишетъ: "Высокія истины и подлинная красота всегда представляются намъ простыми и ясными, какъ солнечный лучъ. Но эта простота только кажущаяся; пропустите лучъ солнца черезъ призму, и вы увидите, что въ немъ гармонически слились семь цвѣтовъ солнечнаго спектра, остающихся въ отдѣльности неуловимыми для нашего глаза".

То же можно сказать по поводу великихъ угодниковъ Божіихъ. Полностью узнать и оцѣнить ихъ мы, земные, не въ силахъ. Благолѣпіе, въ нихъ седмикратно гармонически слившееся и отражавшее непостижимыя свойства Творца, остаются неуловимыми для нашего глаза. Они въ тайнѣ сердца своего зрѣютъ, нашу землю освящаютъ. По слову Божію праведниковъ Своихъ ради Господь и землю хранитъ. Ихъ "не бѣ достоинъ весь міръ".

Мало знаемъ мы нашу русскую "патрологію", такъ обильно пополнившуюся за послѣднія два столѣтія. Расцвѣтомъ ея многіе считаютъ Оптину пустынь. Начало старчеству тамъ положили отцы Леонидъ (въ схимѣ Левъ) и Макарій, оба школы великаго старца архимандрита Паисія Величковскаго, который впервые перевелъ съ греческаго на славянскій языкъ наиважнѣйшее пособіе для провожденія истинной духовной жизни — "Добротолюбіе".

*
* *

Центральная Россія въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка по многимъ мѣстамъ была еще покрыта густыми, непроходимыми лѣсами, въ которыхъ скрывались отшельники, маленькіе скиты, и даже многолюдные монастыри. Народъ хорошо зналъ ведущія туда тропинки: онъ ходилъ туда очищать свои души, предавая свои жизни въ

духовное руководство мудрымъ страцамъ. Постараемся представить, хоть бы бѣгло, одного изъ нихъ, старца Макарія, отошедшаго ко Господу въ этомъ мѣсяцѣ, въ предпразднство Рождества Богородицы, 7-го числа, сто лѣтъ тому назадъ. Начнемъ съ описанія первой встрѣчи одного инока со старцемъ. Она происходила въ ранней его юности, когда жаждалъ онъ монашескаго житія.

"Въ тѣ времена, скитскій лѣсъ былъ гуще и велечественнѣе, чѣмъ теперь, и, въ вѣчномъ полусумракѣ его святой тайны Божьяго дѣвственнаго созданія, догорающій день быстро смѣнялся мракомъ ночи, и ночная тѣнь ложилась плотнѣе и гуще, чѣмъ на просторѣ обширнаго Оптинскаго монастырскаго двора. Красота былъ въ то время скитскій лѣсъ, когда въ благоговѣйномъ трепетѣ подходилъ я со своимъ путеводителемъ къ св. воротамъ, скрывавшимъ за собой, казалось мнѣ, истинныхъ небожителей, временно и только для назиданія, сшедшихъ съ горняго неба на грѣшную землю... Вспомнилъ я по дорогѣ, что о. Герасимъ, прощаясь со мной въ Сергіевой Лаврѣ, сказалъ мнѣ: "А ты постарайся найти, какъ придешь въ Оптину, въ скиту двухъ рясофорныхъ монаховъ, отца съ сыномъ — они ваши Саратовскіе. Зовутъ отца Никитой, а сына Родіономъ; они навѣрное къ тебѣ будутъ ближе другихъ".

И, вотъ, идя дорожкой по лѣсу въ скитъ я и думалъ: ахъ, еслибы мнѣ найти своихъ земляковъ — все бы было лучше...

Когда ушелъ мой старецъ путеводитель, я, еще не входя въ святыя ворота, бросился на колѣни передъ изображеніемъ свв. Отцевъ на стѣнахъ св. входа и слезно имъ помолился, чтобы они меня приняли въ скитскую братію, и затѣмъ трепетно переступилъ порогъ скита, осѣнивъ себя крестнымъ знаменемъ... Меня сразу обдалъ густой, чудный запахъ резеды и всей роскоши скитскихъ цвѣтовъ благовонной вечерней зари догоровшаго знойнаго лѣтняго дня... Прямо передо мною, пересѣкая мнѣ дорогу, смотрю, идутъ два инока... Въ скитскомъ храмѣ звонили во всѣ колокола... Я поклонился инокамъ въ землю...

"Откуда, братъ?"

Я назвалъ свою родину. Иноки переглянулись между собой...

"Не знаете ли", спросилъ я, "гдѣ мнѣ здѣсь найти двухъ монаховъ, отца съ сыномъ изъ Саратовской губерніи, по фамиліи, кажется, Пономаревыхъ?"

"А, чтожъ они родственники тебѣ, что-ли?"

"Нѣтъ", говорю, "не родственники, а какъ у меня здѣсь никого нѣтъ, то я ищу хоть земляковъ".

"Ну и слава Богу: твои земляки съ тобой-то и разговариваютъ — я отецъ, а это — мой сынъ..."

При этомъ они мнѣ дали братское цѣлованіе. Это были Никита и Родіонъ Пономаревы, въ монашествѣ Нифонтъ и Иларіонъ. Сильно обрадовался я этой встрѣчѣ, въ которой не могъ, конечно, не усмотрѣть промыслительнаго о мнѣ грѣшномъ Божьяго усмотрѣнія. Скитъ мнѣ сразу сдѣлался роднымъ.

"А, гдѣ бы мнѣ увидать старца Макарія?" спросилъ я земляковъ. Отецъ Родіонъ, сынъ старика отца Никиты, сказалъ мнѣ:

"Пойдемъ за мной въ церковь — онъ тамъ, и я тебя подведу къ нему подъ благословеніе".

Старецъ Макарій Оптинскій.

Батюшку Макарія мы, дѣйствительно, застали на молитвѣ въ церкви. Шло бдѣніе. Доложили ему обо мнѣ:

"Какой-то странникъ, батюшка, Васъ спрашиваетъ. Желаетъ Васъ видѣть и сказываетъ, что нашъ землякъ", доложилъ старцу о. Родіонъ.

Надо сказать, что Пономаревымъ я при встрѣчѣ не успѣлъ ничего другого объяснить, кромѣ того, что я ихній землякъ: ни имени моего, ни фамиліи они не знали, да и во всей Оптиной меня никто знать не могъ.

"Гдѣ онъ?" — спросилъ старецъ.

"Стоитъ у церкви."

"Приведите его сюда ко мнѣ..."

И меня ввели въ церковь къ старцу. Я упалъ ему въ ноги съ замирающимъ отъ волненія сердцемъ и, когда всталъ, старецъ, благословляя меня, сказалъ:

"Э, да это, знать Ѳеодоръ!.."

Дивное прозрѣніе...

"Откуда ты сегодня пришелъ?"

"Прямо изъ Калуги", отвѣтилъ я внѣ себя отъ изумленной радости, представъ передъ дивнымъ старцемъ.

"Такъ, веди-же его скорѣй въ трапезу", сказалъ батюшка отцу Родіону, "да скажи повару, чтобы онъ хорошенько, чѣмъ Богъ послалъ, его накормилъ... Да, ты ужъ", обратился ко мнѣ старецъ: "послѣ ужина-то не ходи ко бдѣнію, а ложись спать, а то ты усталъ голодный!" *).

Старецъ средняго роста, лицомъ не красивъ, со слѣдами оспы, но было оно бѣлое, свѣтлое. Взглядъ былъ тихъ и полонъ смиренія. Нравъ его былъ чрезвычайно живой и подвижной. Память прекрасная: послѣ первой исповѣди на всю жизнь запоминалъ онъ человѣка. Былъ онъ косноязыченъ: не хватало дыханія при разговорѣ. Это его смущало всю жизнь. Одѣтъ былъ всегда бѣдно.

Съ тѣхъ поръ, какъ появился въ скиту о. Макарій, гдѣ его возвели въ настоятели, жизнь его приняла характеръ не измѣнявшійся до самой смерти. Она была полна попеченій, какъ чисто пастырскихъ, такъ и о внѣшнемъ благоустроеніи, съ ранняго утра до поздней ночи. Въ церкви имъ было установлено пѣніе кіевскаго распѣва, введена должность канонарха, плавное чтеніе и пѣніе "на подобны". Вокругъ храма благоухали массы цвѣтовъ, расходясь по бокамъ многочисленныхъ скитскихъ дорожекъ. Внутренность скита, превращенная въ плодовый садъ ея основателемъ Отцемъ Моисеемъ, усердно поддерживалсь заботами о. Макарія, и нерѣдко зимою городскіе и сельскіе жители просили плодовъ для болящихъ. Самъ о. Макарій, хотя и былъ іеромонахомъ, не служилъ по физическому недостатку косноязычія, но болѣе по глубокому своему смиренію. Но зато съ усердіемъ пѣвалъ онъ часто и со слезами. Особенно любилъ онъ "Чертогъ Твой".

Объ его внѣшности такъ говоритъ жизнеописатель:

"Лицо — ничѣмъ не поражающее съ перваго взгляда, вовсе некрасивое по обыкновеннымъ понятіямъ о красотѣ физической, даже неправильное, по недостатку въ глазахъ, съ печатью постояннаго углубленія въ себя, слѣдовательно на видъ болѣе строгое, нежели ласковое; но такова сила благодати, что лицо это, служа зеркаломъ чистой, любвеобильной и смиренной души, сіяло какою-то неземною красотою, отражая въ себѣ то или другое изъ свойствъ внутренняго человѣка, плодовъ духа, исчисленныхъ Апостоломъ. Вообще въ немъ было рѣдкое соединеніе дѣтской простоты, тихости и смиренія, дѣлавшее его приступнымъ всѣмъ и каждому **).

А вотъ что пишетъ одинъ свѣтскій человѣкъ, какъ мы узнаемъ изъ дневника іеромонаха Евфимія:

---

*) С. Нилусъ «Сила Божія и Немощь человѣческая», Записки игумена Ѳеодосія. Сергіевъ Посадъ, 1908 г.

**) «Жизнеописанія отеческихъ подвижниковъ благочестія XVIII и XIX вѣковъ». Москва, 1909. Книга за Сентябрь. Стр. 120.

"Первая наша встрѣча со старцемъ, противъ нашего ожиданія, не имѣла ничего особеннаго. Припоминая себѣ разсказъ о. К., мы думали встрѣтить подвижника съ особеннымъ выраженіемъ въ лицѣ, съ особенными пріемами: оказалось, что это былъ простой, обыкновенный монахъ, чрезвычайно скромный, неразговорчивый и къ тому же косноязычный. Я положительно былъ разочарованъ; но жена моя, несмотря на свою свѣтскую бойкость, съ перваго раза почувствовала какой-то безотчетный страхъ, смѣшанный съ благоговѣніемъ; а въ слѣдующія его посѣщенія привязалась къ нему всей душой...

"Въ слѣдующую осень мы опять посѣтили Оптину Пустынь. О. Макарій былъ уже обходительнѣе и откровеннѣе съ нами. Онъ подробно разспрашивалъ о нашемъ житьѣ-бытьѣ, говорилъ о Петербургѣ и встрѣчающихся въ немъ на каждомъ шагу искушеніяхъ. Когда я признался въ смущеніяхъ, которыя такъ безотвязно преслѣдовали меня среди столичныхъ развлеченій, о. Макарій заговорилъ такъ, какъ никогда до того не говорилъ съ нами. Жадно ловили мы каждое слово подвижника и, по уходѣ его, совѣтуя другъ другу, записали чудную рѣчь старца Божія...

"Вся пошлость жизни свѣтской влстала передъ нами во всемъ своемъ безобразіи; въ груди стало тѣсно отъ накопившихся слезъ, которыя неудержимо потекли потокомъ изъ глазъ моихъ. Да, мы плакали! и сладки были эти слезы глубокаго раскаянія въ грѣхахъ... О. Макарій посовѣтовалъ намъ поговѣть и, благословивъ насъ, пошелъ въ другіе номера гостиницы для назиданія и поученія посѣтителей, которые жаждали его внушающаго слова... Во все время приготовленія нашего къ исповѣди и Св. Причащенію, старецъ ежедневно навѣщалъ насъ и назидалъ духовно" *).

*

* *

Іеросхимонахъ Макарій родился 20-го ноября 1788 года. Онъ происходилъ изъ дворянской семьи Орловской губерніи. Семья отличалась благочестіемъ. Прадѣдъ его, Іоаннъ, сталъ инокомъ. Родители, коллежскій асессоръ Николай Михайловичъ Ивановъ и мать Елизавета Алексѣевна, нарекли старшаго сына Михаиломъ, въ честь св. князя Тверскаго, память котораго 22-го ноября; послѣ было еще трое сыновей и одна дочь. Жили они въ окрестностяхъ Калуги, весьма красивомъ мѣстѣ, близъ Лаврентіева монастыря, архимандритъ котораго Ѳеофанъ духовно окормлялъ ихъ. "Среди впечатлѣній, пріятныхъ для зрѣнія и отрадно-мирныхъ для сердца видовъ сельской природы, имѣя передъ глазами тихую иноческую обитель, изъ которой ежедневно доносился до слуха обитателей Ж. звонъ колоколовъ, призывающій иноковъ къ молитвѣ, возрасталъ будущій инокъ и молитвенникъ, еще тогда невѣдомый міру", такъ описываетъ жизнеописатель первые впечатлѣнія мальчика.

---

*) С. Нилусъ «Святыня подъ спудомъ». Тайна православнаго монашескаго духа. Сергіевъ Посадъ 1911 г.

Когда Михаилу было пять лѣтъ скончалась любившая его больше другихъ дѣтей мать, не разъ говорившая про тихаго и кроткаго сына: "сердце мое чувствуетъ, что изъ этого ребенка выйдетъ что-нибудь необыкновенное!" Въ связи съ болѣзнью матери, семья мѣняла мѣсто жительства. Въ городѣ Карачевѣ онъ началъ и окончилъ школьное образованіе, а ужъ на 14-омъ году поступилъ на не легкую службу бухгалтера, съ чѣмъ отлично справлялся, обративъ на себя вниманіе. Однако, Михаилъ продолжалъ жить своимъ міркомъ. Много читалъ, ища разрѣшенія важнѣйшихъ вопросовъ ума и сердца. Любилъ музыку, отлично игралъ на скрипкѣ, находя въ ней большую отраду. На 24-омъ году жизни, уже по смерти отца, вышелъ въ отставку и поселился въ деревнѣ. Управлялъ хозяйствомъ плохо. Однажды мужики покрали множество гречихи. Михаилъ ихъ долго вразумлялъ, ссылаясь на Св. Писаніе. Въ результатѣ мужики пали на колѣни въ искренномъ раскаяніи, на посрамленіе роднымъ Михаила, которые надъ нимъ смѣялись. Была сдѣлана попытка его женить, но такъ какъ и лицомъ онъ былъ непригляденъ, да и стремленія не имѣлъ, то такъ это и осталось. Съѣздилъ онъ на Коренную ярмарку, купилъ тамъ книгъ духовнаго содержанія и въ нихъ зарылся. Изрѣдка выходилъ въ столярню, тамъ работалъ до усталости, покоряя юную плоть духу.

Въ 1810 г. осенью онъ поѣхалъ на богомолье въ Площанскую Пустынь, гдѣ позналъ свое давнишнее влеченіе и рѣшился посвятить жизнь Богу. Онъ тамъ и остался. Приславъ братьямъ отреченіе отъ имѣнія, онъ одно лишь просилъ: построить на тысячу рублей часовню на могилѣ родителя.

Въ то время въ Площанской Пустыни находился ученикъ великаго старца Паисія Величковскаго Аѳанасій, который не могъ не заинтересовать юнаго молитвенника. Подъ его полное духовное руководство онъ и отдалъ себя, получивъ тѣмъ правильное начальное направленіе. Къ сожалѣнію, почти нѣтъ матеріаловъ, проливающихъ свѣтъ на эту дивную личность. У него было много переводовъ аскетическихъ твореній древнихъ отцовъ монашества, сдѣланныхъ о. Паисіемъ. Они потомъ перешли въ Оптину и были изданы въ переводѣ со славянскаго на русскій.

Тутъ послушникъ Михаилъ изучилъ церковный уставъ и нотное пѣніе. Помогалъ въ письмоводствѣ. 7 марта 1815 г. былъ постриженъ въ мантію съ именемъ Макарія, въ честь преп. Макарія Великаго. Пѣшкомъ, съ посохомъ, ходилъ въ Кіевъ. На обратномъ пути былъ въ Глинской пустынѣ, гдѣ познакомился со старцемъ Филаретомъ, игуменомъ. Въ 1824 г. ѣздилъ въ Ростовъ на поклоненіе мощамъ Св. Димитрія Ростовскаго, послѣ чего впервые былъ въ Оптинѣ. На другой годъ умираетъ его старецъ. Макарія назначаютъ духовникомъ Сѣвскаго дѣвичьяго монастыря. Такъ начинается его духовническая дѣятельность.

Трудно было Макарію безъ своего учителя. Но вотъ происходитъ замѣчательная встрѣча. Въ его обитель пріѣзжаетъ со своими учениками

отецъ Леонидъ, который былъ подъ руководствомъ у схимонаха Θеодора, ученика того же Молдавскаго архимандрита Паисія. О. Макарій вновь обрѣлъ себѣ руководителя. Это былъ отвѣтъ на его молитвы, ибо духовное сиротство тяжелѣе плотского. Хотя о. Леонидъ считалъ о. Макарія сотоварищемъ въ дѣлѣ монашескомъ, но, уступая просьбамъ и смиренію его, рѣшился съ нимъ обращаться какъ съ ученикомъ. Впрочемъ, ихъ совмѣстное пребываніе скоро прекратилось: о. Леонидъ былъ отправленъ въ Оптину. Шла переписка, кончившаяся переѣздомъ о. Макарія въ Оптину, что стоило не малыхъ затрудненій. Къ Площанской Пустыни онъ долго хранилъ любовь.

Старецъ Леонидъ былъ необыкновенный человѣкъ. Онъ велъ постоянную внутреннюю борьбу, творилъ Іисусову молитву, имѣлъ даръ прозрѣнія и исцѣленія. Чтобъ укрыться отъ суетной славы слегка юродствовалъ. Онъ не терпѣлъ неискренности, самомнѣнія, теплохладности. О. Макарій былъ постоянно при немъ до самой его смерти. Оба они "вынянчили" великаго старца Амвросія, прозорливца и чудотворца. Это была атмосфера, насыщенная благодатью, совершающая чудеса. Стопами страждущихъ и убогихъ, физически и духовно, была истоптана тропинка къ Оптинѣ еще съ большей силой, чѣмъ къ обычнымъ монастырямъ. Старецъ Леонидъ принималъ всѣхъ съ огромной любовью, онъ научилъ и учениковъ своихъ цѣлить недуги приходящихъ, не гнушаясь ничѣмъ, но презирая одинъ лишь грѣхъ. Подъ его руководствомъ они отдавались всецѣло къ нимъ приходящимъ: выслушивали все, что открывали имъ возмущенныя грѣхомъ души, принимали откровеніе помысловъ, отвѣчали и на письменные вопрошенія. Старецъ нерѣдко, прозрѣвалъ, гдѣ кроется что недоброе, обличалъ ихъ, но для того лишь, чтобъ потомъ такимъ тепломъ любовнымъ обдать ихъ, что имъ особо запоминалась радость обрѣтенія чистой совѣсти. Отецъ Макарій былъ болѣе мягкаго склада души. Онъ занимался много корреспонденціей. По смерти о. Леонида вся тяжесть подвига духовнаго руководства легла на него. Тихая радость о Господѣ никогда не покидала этого святого дѣланія, цѣлившаго и души, и тѣла. "Помазуя елеемъ изъ лампады, горѣвшей въ его келліи передъ чтимою имъ Владимирскою иконою, старецъ приносилъ великую пользу больнымъ тѣломъ, и случаи такихъ исцѣленій немалочисленны. Особенно часты были исцѣленія бѣсноватыхъ" *).

Одной изъ важнѣйшихъ отраслей дѣятельности старца было изданіе собранныхъ и переведенныхъ съ греческаго языка Паисіемъ Величковскимъ твореній древнихъ Св. Отцевъ Церкви. Этой работой непосредственно занимался, по благословенію митрополита Филарета, одинъ изъ выдающихся представителей расцвѣта русской культуры Иванъ Васильевичь Кирѣевскій со своею женою. Они стали преданнѣйшими духовными дѣтьми старца. Иванъ Кирѣевскій съ братомъ Петромъ вращался

*) «Русскіе Подвижники XIX вѣка». Е. Поселянинъ. С-Петербургъ. 1910. Стр. 240.

въ кругахъ, гдѣ сверкали Пушкинъ, Баратынскій, Хомяковъ и другіе. Блистали и они. Ихъ душами владѣла нѣмецкая философія. Вотъ какъ произошла историческая встрѣча двухъ міровъ.

"Онъ, какъ извѣстно, увлекался сначала религіозной философіей Шеллинга. Съ восторгомъ онъ читалъ вслухъ нѣкоторые отрывки изъ сочиненій Шеллинга своей молодой женѣ,Наталіи Петровнѣ. Она ему отвѣтила, что ей все это не ново, все это она уже встрѣчала въ твореніяхъ св. Отцовъ." Кирѣевскій сталъ тогда самъ читать творенія отцовъ Православной Церкви. Жена познакомила его съ замѣчательнымъ старцемъ Филаретомъ, московскаго Новоспасскаго монастыря. Послѣ кончины старца Филарета въ 1842 г. оба супруга перешли подъ духовное руководство старца Макарія*).

Первой книгой было издано житіе старца Паисія, а за нимъ цѣлый рядъ трудовъ основныхъ учителей аскезы: Авва Дороѳей, Св. Іоаннъ Лѣствичникъ, Св. Варсонуфій и Іоаннъ, Св. Ѳеодоръ Студитъ, Св. Исаакъ Сиринъ, преп. Максимъ Исповѣдникъ, Авва Исаія Отшельникъ, преп. Симеонъ Новый Богословъ, и другіе.

*
* *

Старецъ жилъ въ келліи, съ лѣвой стороны у самыхъ скитскихъ вратъ, раздѣленной коридоромъ на двѣ половины, для него и келлейника. Старцева половина состояла изъ пріемной и спальни, т. е. маленькой келліи съ однимъ окномъ на югъ, откуда открывался видъ на дорожку, ведущую отъ скитскихъ вратъ къ церкви, а передъ нимъ столъ. На немъ въ полномъ порядкѣ лежали кучами письма, спѣшныя и неспѣшныя, письменный приборъ, новые духовные журналы и всегда двѣ-три святоотеческія книги на главномъ мѣстѣ. Передъ нимъ кресло съ подушкой. Въ восточномъ углу — иконы, виды монастырей и т. д. Главная тутъ была икона Владимірской Божіей Матери съ неугасаемой лампадой, а подъ ней деревянный угольникъ вмѣсто аналогія для совершенія правила, со Слѣдованной Псалтирью и Св. Евангеліемъ и другими книгами. Вдоль западной стѣны — узкое ложе съ Распятіемъ у изголовья, а выше образъ Спасителя съ овцой на рукахъ. Вдоль стѣны портреты: Св. Тихона Задонскаго, Симеона Бѣлобережской Пустыни, іеромонаха Филарета Новоспасскаго монастыря, старцевъ Аѳанасія, Ѳеодора, Леонида. Въ этой кельѣ онъ пробылъ 20 лѣтъ. Все свидѣтельствовало о его тайныхъ воздыханіяхъ и о духѣ, отрекшемся отъ удѣловъ земли. Тутъ проводилъ онъ частыя безсонныя ночи и вставалъ на правило при ударѣ скитскаго колокола въ 2 часа утра; часто самъ будилъ своихъ келлейниковъ. Прочитывали: утреннія молитвы, 12 псалмовъ, I часъ, Богородичный канонъ съ акаѳистомъ. Ирмосы пѣлъ онъ самъ. Въ 6 часовъ ему вычи-

*) Н. С. Арсеньевъ. «Изъ Русской культурной и творческой традиціи» 1959 г. Стр. 56.

тывали "часы съ изобразительными", и онъ выпивалъ одну-двѣ чашки чаю. Скрипѣла затѣмъ дверь въ переднюю, и появлялись посѣтители. Женщинъ принималъ за вратами скита въ особой келльѣ. Тутъ внималъ онъ горю людскому. У него явно былъ даръ духовнаго разсужденія, а также сила смиренія и любви, что дѣлало его слово особенно властнымъ. Послѣ бесѣды съ нимъ люди обновлялись. Пріемная была увѣшена портретами святителей и подвижниковъ, живыхъ еще, или недавно минувшихъ дней.

Въ 11 часовъ звонили къ трапезѣ, и старецъ туда шелъ, послѣ чего отдыхалъ, а затѣмъ опять принималъ посѣтителей. Въ два часа старецъ, съ костылемъ въ одной рукѣ и четками въ другой, шелъ въ гостиницу, гдѣ его ждали иногда сотни народа, каждый со своими нуждами, духовными и житейскими. Всѣхъ онъ съ любовью выслушивалъ: однихъ вразумлялъ, другихъ возводилъ отъ рова отчаянія. Онъ понималъ и разрѣшалъ современные вопросы: объ улучшеніи народнаго быта, грамотности, воспитаніи. Когда ему сообщили о безнадежномъ состояніи Севастополя, онъ зарыдалъ и упалъ на колѣни съ мольбой предъ образомъ Владычицы. Онъ былъ глубоко тронутъ кончиной Государя Николая Павловича.

Слѣдующій случай стоитъ вниманія:

"Одинъ образованный человѣкъ подвергся припадкамъ бѣснованія, проявлявшимся при приближеніи къ священнымъ предметамъ; долго родные, не хотѣвшіе признать сущность болѣзни, лечили его за границей, у докторовъ и на водахъ; пользы не было. Одинъ вѣрующій товарищъ привезъ его въ Оптину, и изъ гостиницы послалъ потихоньку просить старца. Больной, неслыхавшій о немъ никогда, сталъ безпокоиться и заговорилъ: "Макарій идетъ, Макарій идетъ!" — и едва вошелъ старецъ, бросился на него съ неистовымъ крикомъ и заушилъ его. Великій подвижникъ, познавъ козни врага, употребилъ сильнѣйшее орудіе — смиреніе, и быстро подставилъ ему другую ланиту. Опаленный смиреніемъ, бѣсъ вышелъ изъ страждущаго, который въ оцѣпенѣніи лежалъ долго у ногъ старца, а потомъ, не помня о своемъ поступкѣ, всталъ исцѣленнымъ." *).

Измученный, едва переводя дыханіе, возвращался онъ съ ежедневнаго подвига. Время подходило слушать правило, состоявшее изъ 9-го часа, каѳизмъ съ молитвами и канона Ангелу Хранителю. Звонятъ къ вечерней трапезѣ. Иногда ее ему приносятъ. Но и въ это время онъ принимаетъ монастырскую и скитскую братію, если кто изъ послѣднихъ не успѣлъ побывать днемъ на ежедневномъ откровеніи помысловъ. Если долго не бываетъ кто-либо изъ относящихся къ нему постоянно — онъ обезпокоивается, самъ приходитъ къ тому въ келлью и притомъ всегда вовремя, оставляя послѣ себя успокоеніе и веселіе. Онъ же давалъ послушаніе: чтеніе святоотеческихъ книгъ, назначая это по мѣрѣ духовнаго возраста каждаго. Начиналъ онъ съ книги аввы Дороѳея, называя ее "Мо-

---

*) «Русскіе Подвижники XIX вѣка». Е. Поселянинъ. С-Петербургъ, 1910. Стр. 240.

нашеской Азбукой". Праздности не терпѣлъ. Завелъ онъ поэтому въ скиту рукодѣлья: токарное, переплетное и др. Каждый изъ братіи зналъ и чувствовалъ, что бремя его трудовъ и скорбей раздѣляется любвеобильнымъ и мудрымъ отцомъ. Онъ такъ умѣлъ утѣшать и ободрять, что виновный выходилъ изъ келльи его, себя не помня отъ радости.

Поэтому подвижническая жизнь казалась легкой.

Заканчивая день, выслушивали правила: малое повечеріе, молитвы на сонъ грядущимъ, двѣ главы Апостола, одну Евангелія, потомъ краткое исповѣданіе, старецъ благословлялъ и отпускалъ. Было уже поздно. Старецъ входилъ въ свою келью гдѣ мерцала лампада передъ образомъ Заступницы. На столѣ лежала кипа писемъ, требующихъ отвѣта. Тѣло ныло отъ изнеможенія, а сердце отъ впечатлѣній обильно открывавшагося человѣческаго страданія. Глаза орошались слезами, а въ умѣ звучало дивное пѣснопѣніе:

"Чертогъ Твой вижду, Спасе мой, украшенный, и одежды не имамъ, да вниду въ онъ: Просвѣти одеяніе души моея, Свѣтодавче, и спаси мя."

За окномъ огоньки скитскихъ келлій давно уже потухли. Воцарилась молитвенная ночь. Старецъ опускался къ столу. Онъ писалъ. Вотъ одно письмо:

"Какъ можно мимолетное чувство умиленія и слезъ считать уже любовью Божіей? Умъ тайно увлекается самъ и стяжеваетъ высокоуміе и гордость, и всего онаго лишается, а смиренія тутъ не бывало. Богъ показалъ вамъ, что есть благодать Его съ нами и отнялъ, да не превозносимся; впрочемъ не лишилъ совершенно, но скрылъ отъ насъ чтобы мы смиренно къ нему припадали. Ему угодно иногда попускать на насъ протяжную тьму и мракъ духовный, холодность и окаменѣніе, чтобы мы считали себя послѣднѣйшими и худшими всѣхъ и не искали бы духовныхъ утѣшеній, считая себя оныхъ недостойными; въ этомъ то и состоитъ совершенная, смиренная преданность Спасителю. Онъ шелъ скорбнымъ путемъ и даже въ молитвѣ Своей къ Отцу Своему произнесъ: прискорбна есть душа моя до смерти (Мѳ. *26,* 38), но предавался волѣ Его и намъ повелѣлъ идти путемъ креста, а не отрады. Вы, думая найти въ утѣшительныхъ чувствахъ любовь Божію, ищете не Бога, а себя, то есть, своего утѣшенія, а прискорбнаго пути уклоняетесь, считая себя будто погибшими не имѣя духовныхъ утѣшеній; напротивъ, лишеніе оныхъ насъ смиряетъ, а не возвышаетъ." *).

Потухла свѣча. Старецъ сталъ на молитву... Молитва въ немъ не прекращалась, будь онъ въ многолюдствіи, за трапезой, въ бесѣдѣ, или въ тиши нощи. Она источала елей его смиренномудрія.

*

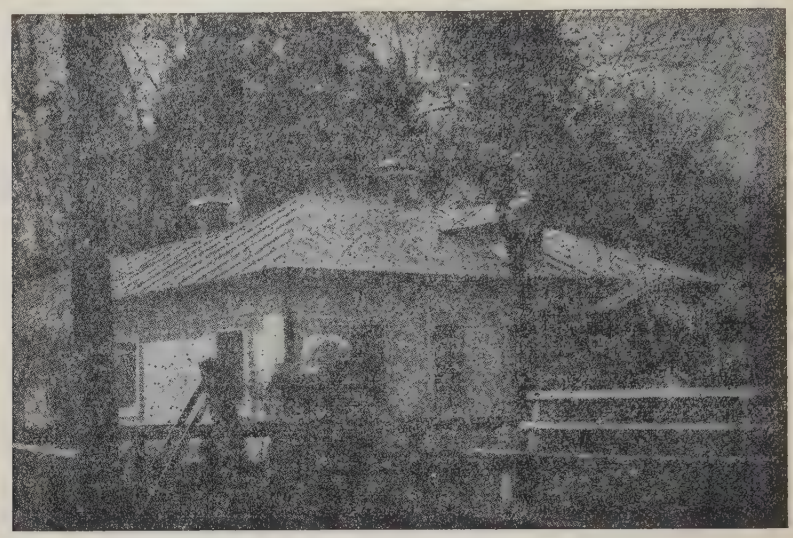
* *

За годъ до своей смерти старецъ предсказалъ одной тяжко болящей помѣщицѣ: "Ты выздоровѣешь, а умремъ мы вмѣстѣ". Она скон-

---

*) «Старецъ Макарій Оптинскій». Харбинъ, 1940, стр. 100.

чалась 23-го августа 1860 г. Спустя три дня старецъ внезапно заболѣлъ. 30-го его соборовали. Онъ раздавалъ свои вещи, прощаясь и наставляя. Народъ стекался. За два дня до смерти, по его желанію, его вынесли въ



Келлія старца Макарія въ скиту.

переднюю и положили на полъ, чтобъ посѣтители смогли видѣть его черезъ окно. "Къ вечеру больному сдѣлалось значительно хуже, и онъ вновь пожелалъ пріобщиться Св. Таинъ, что и исполнилъ въ 8 часовъ, сидя въ креслахъ. Около полуночи старецъ потребовалъ къ себѣ духовника и, послѣ получасовой бесѣды съ нимъ, попросилъ читать отходную. — "Слава Тебѣ, Царю мой и Боже мой!" — восклицалъ стерецъ при чтеніи отходной, обращая свои взоры то на стоявшую у его ложа на столикѣ икону Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ, то на особенно чтимую имъ икону Владимірской Божіей Матери. — "Матерь Божія, помози мнѣ!" — такъ молился ей отходящій въ путь всея земли батюшка, прося скорѣйшаго разрѣшенія отъ узъ тѣла." *).

Ночь была очень тяжелой, но и тутъ черезъ пожатіе рукъ, благословеніе и взглядами — выражалъ онъ свою благодарность ухаживающимъ за нимъ. Въ 6 часовъ 7 сентября онъ пріобщился Св. Христовыхъ Таинъ въ полномъ сознаніи и умиленіи, а черезъ часъ, на 9-ой пѣсни канона на разлученіе души отъ тѣла — Великій Старецъ Макарій тихо и безболѣзненно отошелъ ко Господу въ Чертогъ Небесный.

Такова краткая исторія, міру чуждаго, великаго смиренномудрца.

Глѣбъ Подмошенскій.

---

*) «Старецъ Макарій Оптинскій». Харбинъ, 1940, стр.49.

ТЕБЕ, ПРЕДВѢЧНАГО ОТЦА, ВСЯ ЗЕМЛЯ ВЕЛИЧАЕТЪ.

Славь Господа, земля, дыханьемъ лѣтнимъ меда,
Пшеницы колоса и блѣдно-алыхъ розъ;
Хвалите Господа, поля, лѣса и воды
И стрѣлы синія величественныхъ грозъ!

***

Славь Господа, небесъ сіяющая чаша,
Въ рукахъ у Господа, гдѣ солнце и луна,
Созвѣздья гроздьями, въ нихъ дни, съ заботой нашей,
И ночи тихаго, покоящаго сна!

***

Славь Господа, святыхъ и свѣтлыхъ херувимовъ
И серафимовъ всѣхъ сіяющая рать,
Что могутъ Господа всеблагостное Имя
Устами чистыми немолчно прославлять!

***

Славь Господа, земли таинственная сила,
Непостижимаго зачатья темныхъ нѣдръ,
Что блескъ ночныхъ свѣтилъ и солнца охладила
Въ сапфирахъ, въ золотѣ: — Творецъ вселенной щедръ!

***

Славь Господа, души прозрѣвшей трепетанье
Предъ милосердіемъ Всещедраго Творца,
Что въ грѣшный міръ пришелъ для крестнаго страданья,
Для ранъ терноваго вѣнца!

Дармштадтъ. **Анна Самойловичъ.**

ОТДѢЛЪ ЮНОШЕСКІЙ И ДѢТСКІЙ.

Чудо св. Архистратига Михаила въ Хонѣхъ.

Празднуется 6-го сентября.

Въ Фригіи близъ города Іерополя былъ храмъ во имя св. Архистратига Михаила. Онъ возвышался надъ чудотворнымъ источникомъ, къ которому приходили больные и по вѣрѣ получали исцѣленія. Во времена языческія на этомъ мѣстѣ стояло капище, гдѣ жила змѣя-ехидна. Безумные люди поклонялись ей какъ богу, кормили ее. Она людей жалила, и множество народа погибало. Господь Милосердный, желая просвѣтить темныхъ людей, послалъ къ нимъ св. апостола и евангелиста Іоанна и свв. апостоловъ Варѳоломея и Филиппа. Послѣдняго сопровождала родная сестра, Маріамія. Молитвами ихъ была убита страшная змѣя. Они открыли темнымъ людямъ Свѣтъ Истинный, повѣдали имъ о Спасителѣ міра. Св. апостолы предсказали людямъ, что здѣсь возсіяетъ особая благодать Божія. Самъ Великій Архистратигъ Михаилъ будетъ посѣщать это мѣсто, и совершаться будутъ многія чудеса.

Слова святыхъ проповѣдниковъ вскорѣ сбылись. На мѣстѣ, которое называлось Херотопа, гдѣ пророчествовали свв. апостолы, забилъ чудотворный источникъ. Христіане приходили къ этой цѣлебной водѣ, да и язычники, видя безчисленныя чудеса, посѣщали это святое мѣсто и крестились. Такъ, у одного грека-язычника была единственная дочь, нѣмая отъ рожденія. Очень горевалъ отецъ, но помочь не могъ дочери. Кто кромѣ Всемогущаго

Бога, заставилъ бы нѣмую говорить! Во снѣ, въ вѣликомъ сіяніи, явился скорбному отцу Архистратигъ Михаилъ. Сіялъ вѣстникъ Господень словно яркое солнце. Грекъ очень испугался. Слышитъ онъ дивный голосъ небожителя: «Если хочешь, чтобы дочь твоя говорила — веди ее къ источнику, который находится близъ Іерополя въ Херотопѣ, напой ее этой водою и увидишь славу Божію».

Проснулся отецъ въ полномъ удивленіи. Язычникъ повѣрилъ словамъ св. Архистратига Михаила и повелъ дочь къ чудотворному источнику. Онъ увидѣлъ множество людей, черпающихъ цѣлебную воду. Увидѣвъ множество больныхъ, которые исцѣлялись отъ своихъ недуговъ. Грекъ спросилъ: «Кого вы призываете, когда умываетесь этою водою?» «Мы призываемъ Имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Призываемъ еще и на помощь св. Архистратига Михаила» — объяснили Божіи люди.

Тогда грекъ, глядя на небо и воздѣвъ руки, сказалъ съ великою вѣрою: «Отецъ, и Сынъ, и Святой Духъ, Боже Христіанскій, помилуй насъ! Святой Михаилъ слуга Божій, помоги, исцѣли мою дочь!»

Отецъ почерпнулъ воды и влилъ ее въ ротъ нѣмой. И она молитвами Архистратига Михаила, силою же Божіей — заговорила. Исцѣленная просвѣтилась мгновенно душою и воскликнула: «Боже Христіанскій, помилуй меня! Святой Михаилъ, помоги мнѣ!». Присутствующіе, какъ одна душа, стали прославлять Пресвятую Троицу и Великаго Архистратига Михаила! Счастливый отецъ тутъ же крестился со своею дочкою и со всѣми домашними, которые вмѣстѣ съ нимъ пришли къ святому источнику. Въ благодарность за исцѣленіе дочери, грекъ создалъ надъ источникомъ прекрасную церковь и богато украсилъ ее.

Черезъ девяносто лѣтъ пришелъ сюда изъ Іерополя маленькій отрокъ десяти лѣтъ. Божій избранникъ — чистое, прекрасное дитя. Имя его было Архипъ. Родители его, христіане, благочестиво воспитали своего сына. Маленькій Архипъ убиралъ храмъ, помогалъ священнику при служеніи, подавалъ свѣчи, кадило. Жилъ онъ словно безтѣлесный ангелъ. Разъ въ недѣлю Божій избранникъ приготовлялъ себѣ варево изъ дикихъ растеній, даже и безъ соли. Пилъ необходимую мѣру воды. Одежда его состояла изъ куска старой ткани. Такимъ же кускомъ онъ покрывалъ постель изъ острыхъ камней. Острое терніе, покрытое небольшимъ отрѣзкомъ матеріи, служило для него и подушкою! Блаженный Архипъ, конечно, не могъ долго спать на такой постели. Онъ скоро просыпался и начиналъ славить Творца своего. Подвижникъ разъ въ годъ мѣнялъ одежду, которую носилъ на себѣ — онъ покрывалъ ею постель, а ту которая была на кровати надѣвалъ на себя. Ради Господа такъ строгъ былъ къ себѣ юный

подвижникъ, устремляясь къ небу своею прекрасною, возвышенною душою. Когда онъ пришлъ въ возрастъ, онъ сталъ горячо проповѣдывать о Христѣ и приводить невѣрныхъ ко крещенію.

Врагъ рода человѣческаго возненавидѣлъ святого Архипа. Онъ возбудилъ противъ него язычниковъ, не хотящихъ познать Истиннаго Бога. Злые люди нападали на него, били, терзали за волосы, за бороду влачили по землѣ, топтали ногами, стараясь выгнать блаженнаго со святого мѣста. Но мудрый подвижникъ понималъ, что это сатана чрезъ злыхъ людей гонитъ его, а потому не уходилъ никуда изъ храма Св. Архангела Михаила, надѣясь крѣпко на помощь Божію и на молитвы великаго Архистратига.

Тогда язычники задумали засыпать землею святой источникъ, а св. Архипа убить. Одни устремились къ церкви и къ святому источнику. Другіе бросились къ жилищу св. Архипа, чтобы убить его. Только подняли они руки на раба Божія — какъ тотчасъ же Господь защитилъ Своего избранника. Внезапно омертвѣли ихъ руки и сдѣлались неподвижными. А когда злые люди приблизились къ святому источнику, чтобы засыпать его землею — изъ воды, силою Божіею, вышло пламя и устремилось на невѣрныхъ. Въ страхѣ убѣжали они. Не увѣровали ожесточенные люди во Христа. Въ безумной злобѣ скрежетали они зубами, похваляясь, что все же они уничтожатъ, и храмъ, и источникъ, и блаженнаго Архипа.

На этомъ Богомъ избранномъ мѣстѣ была рѣчка, которая протекала по лѣвую сторону храма. Называлась она Хрисосъ. Беззаконные люди задумали пустить эту рѣчку на святое мѣсто, чтобы источникъ смѣшался съ рѣчною водою и потерялъ свою силу. Они стали копать новое русло, но въ то же мгновеніе рѣка вдругъ измѣнила свое русло и потекла по правую сторону церкви. Посрамленные язычники ни съ чѣмъ разошлись по своимъ домамъ.

Недалеко отъ храма протекали еще двѣ рѣки. Одну называли Ликокаперъ, а другую Куфосъ. Эти рѣки у большой горы соединялись и, уже какъ одна рѣка, устремлялись въ страну Ликійскую. Дьяволъ внушилъ язычникамъ пустить эти рѣки на храмъ Архангела Михаила и на источникъ. Мѣстность была гористая. Рѣки должны были съ высоты низринуться на храмъ, который стоялъ въ долинѣ.

Изъ различныхъ городовъ и селъ собралось многое множество язычниковъ къ святому мѣсту. Близъ алтаря лежалъ громадный камень. Отъ этого камня злые люди стали копать глубокій ровъ къ той горѣ, возлѣ которой соединялись рѣки: по новому руслу громадное количество воды должно было обрушиться

на храмъ. Копали они съ большимъ трудомъ цѣлыхъ десять дней. Преподобный Архипъ, видя ихъ дьявольскій трудъ, палъ ницъ въ храмѣ и со слезами сталъ молиться Богу, призывая на помощь и покровителя святого мѣста — Архистратига Михаила.

Тѣмъ временемъ язычники сдѣлали загражденіе двумъ рѣкамъ. Когда собралось много воды, несчастные раскопали запруду и пустили собравшіяся воды на новый путь. Сами же устремились на лѣвую сторону храма, чтобы видѣть какъ вода ринется на святое мѣсто и уничтожитъ, и церковь, и святого Архипа.

Словно громъ загрохотало громадное количество воды. Вотъ-вотъ обрушится потокъ на храмъ и зальетъ святой источникъ, потопитъ св. подвижника. Среди страшнаго грохота водъ пѣлъ преподобный Архипъ псаломъ св. царя Давида: «Возвышаютъ рѣки, Господи, возвышаютъ рѣки голосъ свой, возвышаютъ рѣки волны свои. Но больше шума водъ многихъ, сильныхъ, волнъ морскихъ силенъ въ вышнихъ Господь!» Какъ пѣлъ блаженный, такъ воды и покорились своему Создателю. Раздался дивный голосъ самого покровителя святого мѣста. Небожитель повелѣлъ святому выдти изъ храма. Блаженный переступилъ порогъ церкви — и упалъ отъ благоговѣйнаго страха на землю. Передъ нимъ предсталъ въ человѣческомъ видѣ, ослѣпительно сіяющій, хранитель христіанъ — Великій Божій Архангелъ Михаилъ. Онъ сказалъ святому: «Дерзай, не бойся! Встань съ земли, подойди ко мнѣ — и увидишь силу Божію на этихъ водахъ». Поднялся съ земли объятый страхомъ Архипъ, несмѣло подошелъ къ блистательному Архистратигу и всталъ по лѣвую сторону, какъ ему приказалъ Архангелъ. Увидѣлъ св. Архипъ великій огненный столпъ отъ земли восходящій до Божьихъ небесъ. Воды готовы были уже рухнуть на храмъ, какъ поднялъ Архангелъ правую руку и перекрестилъ грохочущую громаду, сказавъ: «Стой здѣсь!». И мгновенно стихія воды стала, словно каменная стѣна. Горою поднялась вверхъ. Обернулся Архистратигъ Михаилъ къ большому камню, который возвышался противъ алтаря, и крестообразно ударилъ жезломъ. Раздался страшный раскатъ грома. Потряслась земля. Распался камень надвое, образовалась пропасть. И произнесъ сіяющій и грозный Архистратигъ: «Да погибнетъ здѣсь всякая вражеская сила и да избавятся отъ зла всѣ люди, которые приходятъ сюда съ вѣрою!» Архангелъ повелѣлъ Архипу перейти на правую сторону и произнесъ обращаясь къ водной горѣ: «Войди въ эту разсѣлину». Мгновенно водная гора съ страшнымъ грохотомъ рушилась въ эту громадную трещину.

Съ этой поры эти двѣ соединившіяся рѣки кончаютъ свой путь въ этомъ провалѣ. Враги Христовы, стоявшіе по лѣвую сто-

рону храма, на горѣ, увидѣвъ великое Божіе чудо, остолбенѣли отъ ужаса. Святой же покровитель отлетѣлъ на небо.

Злые язычники были посрамлены, а вѣрные ликовали. Они поспѣшили къ храму и вмѣстѣ съ св. Архипомъ воспѣвали хвалы Богу Всемогущему. Съ этого времени установленъ былъ праздникъ въ честь великаго чуда — 6 сентября.

Долгіе годы еще прожилъ блаженный Архипъ, прилежно трудясь для Господа. 70-ти лѣтъ онъ отошелъ на вѣчную радость, на вѣчный покой и погребенъ былъ вѣрными на этомъ священномъ мѣстѣ, которое стало называться «Погруженіе», по-гречески «Хони», т. к. здѣсь воды погрузились въ каменную разсѣлину.

Явленіе св. Архистратига Михаила на горѣ Гарганъ.

Воспоминается въ тотъ же день 6-го сентября.

Между Адріатическимъ моремъ и горою «Гарганъ» есть городъ Сипонтъ. Въ этомъ городѣ жилъ богатый человѣкъ, стада котораго паслись подъ горою Гарганъ. Однажды, волъ отдѣлился отъ стада и заблудился. Богачъ сталъ искать его со своими рабами. Долго искали. Наконецъ, замѣтили его стоящимъ на вершинѣ горы, у входа въ пещеру. Хозяинъ раздраженный взялъ лукъ, натянулъ его и пустилъ въ вола отравленную стрѣлу. Стрѣла, однако, обратилась противъ самаго стрѣлка и ранила его. Испугались люди, сопровождавшіе своего господина. Никто не рѣшился подняться къ пещерѣ, а поспѣшили всѣ въ городъ повѣдать о происшедшемъ чудѣ. Епископъ, услышавъ о случившемся, горячо молился Богу, чтобы Милосердный Господь открылъ ему тайну. И вотъ явился епископу въ видѣніи сіяющій Архистратигъ Михаилъ и возвѣстилъ, что мѣсто на горѣ избрано имъ: тамъ помогать будетъ онъ людямъ, которые съ вѣрою и молитвою будутъ приходить туда.

Епископъ о своемъ небесномъ видѣніи повѣдалъ жителямъ Сипонта. Три дня всѣ постились и молились. Потомъ духовенство и народъ поднялись на вершину и нашли тамъ каменную пещеру съ очень тѣснымъ входомъ. Никто не дерзнулъ войти внутрь. Всѣ только возлѣ входа помолились Господу и св. Архистратигу Михаилу.

Однажды неаполитане, тогда еще язычники, внезапно обступили городъ Сипонтъ. На горожанъ напалъ страхъ. Епископъ предписалъ людямъ строгій постъ: три дня ничего не ѣсть и усер-

дно молиться. Наканунѣ того дня, когда язычники хотѣли приступомъ взять городъ, явился епископу св. Архистратигъ Михаилъ, въ сонномъ видѣніи, говоря: «Завтра, въ четвертый часъ дня, прикажи гражданамъ вооружиться и выдти противъ враговъ. Я приду имъ на помощь».

Проснулся епископъ и повѣдалъ всѣмъ о Архангелѣ. Обрадовались, утѣшились горожане. Въ четвертый часъ дня раздался страшный раскатъ грома. На гору Гарганъ сошло большое облако. Огонь, блескъ озарилъ гору. Загрохотали громы, появился дымъ, гора вся тряслась. Облако отъ вершины до подошвы закрыло всю гору. Враги пришли въ неописуемый ужасъ и въ страхѣ бѣжали. Горожане открыли ворота и погнались за врагами, посѣкая ихъ мечами. А съ высоты св. Архистратигъ Михаилъ поражалъ невѣрныхъ молніями, оглушая страшнымъ громомъ. 600 язычниковъ были убиты грозою. Христіане гнали непріятелей до самаго Неаполя. Съ помощью св. Архистратига Михаила и небесныхъ силъ они окончательно побѣдили невѣрныхъ и торжественно вернулись въ свой городъ. Съ того времени неаполитане познали крѣпкую руку Всемогущаго Бога и приняли вѣру христіанскую. Граждане Сипонтскіе со своимъ епископомъ и духовенствомъ поднялись на вершину горы Гарганъ. Тамъ люди хотѣли возблагодарить Господа, св. Архистратига Михаила и всѣ небесныя силы за побѣду надъ язычниками. Когда народъ подошелъ къ пещерѣ, то нашелъ на мраморѣ слѣдъ человѣческой стопы, ясный слѣдъ, словно сдѣланный на влажной мягкой землѣ. Горожане стали говорить, что это самъ Архистратигъ оставилъ чудный знакъ своего посѣщенія, «это онъ спасъ насъ отъ враговъ».

Они благоговѣйно стали цѣловать священный слѣдъ. Торжественно отслужили молебенъ. Въ веселіи восхваляли Господа и благодарили Его!

Рѣшили было на этомъ мѣстѣ воздвигнуть храмъ во имя св. Архистратига Михаила... Когда стали готовиться къ постройкѣ, снова епископу явился Архангелъ Михаилъ и сказалъ ему: «Не заботься о построеніи церкви. Я самъ приготовилъ тамъ себѣ храмъ. Отслужи тамъ Божественную литургію и причасти людей».

Послѣ этого чуднаго видѣнія, епископъ приказалъ Божіимъ людямъ готовиться къ святому причащенію. Онъ пошелъ съ вѣрными на гору; по дорогѣ пѣли молебенъ. Вѣрные узрѣли въ скалѣ высѣченную малую церковь, не руками человѣческими созданную. Стѣны были шероховатыя — не гладкія, потолокъ въ одномъ мѣстѣ выше, въ другомъ ниже, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ можно было его головой коснуться, а въ иныхъ мѣстахъ — рукой достать. Престолъ былъ покрытъ краснымъ покровомъ. Епископъ совершилъ на немъ Божественную Литургію и причастилъ людей. Въ

алтарѣ въ сѣверной его сторонѣ, сверху вдругъ закапала чистѣйшая, очень вкусная и очень свѣтлая вода, которая оказалась чудотворной. Послѣ причастія Божіи люди стали пить эту цѣлѣбную воду. Недужные исцѣлялись. Послѣ этихъ дивныхъ чудесъ къ пещерной церкви приходили немощные и получали силою Божіею здоровіе, крѣпость тѣлесную. Молитвами Архистратига стали совершаться безчисленныя чудеса. Епископъ создалъ келліи возлѣ церкви. Тамъ стали жить священники, діаконы, пѣвцы и чтецы. Ежедневно совершалися положенныя Божіи службы: обѣдни, утрени, вечерни, во славу Господа нашего и въ честь Св. Архистратига Михаила.

Чудесное спасеніе пастуха св. Архистратигомъ Михаиломъ.

Воспоминается въ тотъ же день 6-го сентября.

На святой горѣ Аѳонской есть монастырь, который основалъ одинъ богатый болгаринъ по имени Дохіаръ. Этотъ Монастырь сталъ называться его именемъ. Дохіаръ обошелъ многіе монастыри, давая щедрую милостыню. Захотѣлось ему самому выстроить обитель. Взялъ онъ всѣ свои деньги, изъ дому все свое золото. Идетъ вдоль берега моря по святой горѣ Аѳонской и видитъ очень красивое мѣсто. Бьетъ источникъ холодной воды, растутъ въ изобиліи овощи, а мѣсто безлюдное! Задумалъ Дохіаръ среди этой райской красоты построить тихую обитель. Господь помогъ ему осуществить доброе дѣло. Дохіаръ воздвигъ прекрасную церковь во имя святителя и чудотворца Николая, оградилъ монастырь каменною стѣною, устроилъ келліи для братіи, которая избрала его своимъ игуменомъ. У него не хватало денегъ, чтобы украсить храмъ обительскій. Онъ молился и ждалъ Божіей помощи.

Противъ святой горы Аѳонской есть островъ. Называется онъ «Лугъ». Тамъ были чудныя зеленѣющія пастбища, жили тамъ пастухи со своими стадами. Въ пустынномъ мѣстѣ на очень высокомъ столпѣ возвышался тамъ идолъ. Подъ нимъ, на греческомъ языкѣ, было написано: «Кто ударитъ меня по головѣ — тотъ найдетъ множество золота». Многіе, прочитавъ надпись, били идола по головѣ, но клада не находили. Одинъ мальчикъ пасъ воловъ около столпа. Отрокъ былъ разуменъ и грамотенъ. Пастушекъ прочиталъ надпись и ударилъ, какъ и многіе до него, идола въ голову. Ничего, конечно, не нашелъ! Мальчикъ сообразилъ, что кладъ закопанъ въ землю: тамъ его надо искать! Онъ

подождалъ захода солнца. Тамъ, гдѣ была тѣнь отъ головы идола онъ сталъ копать. Ничего не нашелъ. Мальчикъ подождалъ утренней зари. Когда засіяло Божье солнышко и отъ идола пала тѣнь, пастушекъ снова сталъ копать на мѣстѣ, гдѣ голова болвана давала тѣнь. Долго, усердно работалъ отрокъ. Вдругъ лопата ударилась обо что-то твердое. Мальчикъ сталъ еще усерднѣе рыть землю. Онъ добрался до большого жернова, пытался его поднять, но не могъ. Отрокъ просунулъ руку въ круглое отверстіе, посреди жернова. Рука, его утонула во множествѣ золотыхъ монетъ! «Что же я буду дѣлать съ этимъ сокровищемъ» — раздумывалъ разумный мальчикъ «Если я кому-нибудь разскажу о кладѣ, то меня изъ-за этого богатства убьютъ злые люди».

Господь вложилъ доброму пастушку мысль поплыть на святую гору Аѳонскую, въ одномъ днѣ плаванія отъ острова, и извѣстить кого-либо изъ игуменовъ о найденномъ кладѣ.

Мальчикъ взялъ съ собою нѣсколько золотыхъ монетъ, чтобы показать, что онъ не обманываетъ добрыхъ людей. Пошелъ въ село на морскомъ берегу, и нанялъ одного владѣльца парусного судна, чтобы тотъ перевезъ его на Святую Гору. По Божію смотрѣнію лодка приплыла, какъ разъ къ пристани монастыря Дохіаръ. Владѣлецъ лодки поплылъ обратно, а отрокъ пошелъ къ монастырю. Увидѣвъ игумена, онъ повѣдалъ ему о кладѣ. Мудрый старецъ понялъ, что это ему отъ Господа помощь, чтобы украсить обительскій храмъ. Онъ призвалъ трехъ иноковъ и по благословенію игумена, они на парусной лодкѣ поплыли за сокровищемъ. Монахи съ пастушкомъ пристали къ берегу, мальчикъ привелъ ихъ къ столпу. Иноки отвалили жерновъ и нашли подъ нимъ цѣлый котелъ съ золотыми монетами. Врагъ рода человѣческаго на одного изъ иноковъ навелъ страшное искушеніе. Разгорѣлись глаза у него и онъ сталъ искушать другого монаха, говоря: «Братъ, какая будетъ польза, если мы это золото передадимъ игумену? Вѣдь Богъ намъ послалъ кладъ, чтобы мы сами себѣ выстроили келліи и воздвигли свой монастырь». «Какъ же мы можемъ утаить золото?» нерѣшительно замѣтилъ другой братъ. Наущаемый діаволомъ, страшное слово произнесъ тутъ преступный монахъ: «Мы мальчика бросимъ въ морѣ, и не будетъ свидѣтелей». И второй монахъ точно обезумѣлъ: онъ согласился на злодѣяніе. Преступники повѣдали третьему брату о задуманномъ страшномъ дѣлѣ. Тотъ ужаснулся: «Братья мои! Умоляю васъ, опомнитесь! Не дерзайте этого сдѣлать! Не губите невиннаго отрока, а вмѣстѣ съ нимъ и вашихъ душъ!» Злодѣи стали уговаривать брата, боявшагося Бога, но благочестивый инокъ не согласился на страшное дѣло. Преступники стали грозить ему, вмѣстѣ съ пастушкомъ потопить въ пучинѣ морской. Честный

братъ испугался. Онъ сталъ увѣрять злодѣевъ, что не скажетъ объ ихъ преступленіи. Онъ поклялся, что будетъ молчать. Злодѣи оставили его въ покоѣ. Они взяли котелъ съ золотомъ и жерновъ и погрузили въ лодку. Мальчикъ вошелъ тоже на судно и всѣ четверо поплыли къ Святой Горѣ. Когда они были посреди пучины, два преступника набросились на беззащитнаго пастушка и начали привязывать ему жерновъ на шею. Несчастный отрокъ умолялъ злодѣевъ пощадить его молодую жизнь. Плакалъ, рыдалъ мильчикъ. Напрасно!

Среди ночи совершилось страшное злодѣяніе. Утопили пастушка. Всевѣдущій Господь слышалъ вопли отрока и послалъ къ нему на помощь Архистратига Михаила.

Св. Архангелъ спустился съ неба къ отроку, лежавшему на днѣ съ тяжелымъ жерновомъ на шеѣ, и принесъ его въ монастырскій храмъ обители Дохіарской. Внезапно мальчикъ оказался въ алтарѣ, возлѣ самаго престола, съ жерновомъ повѣшеннымъ на шеѣ.

Стало свѣтло. Экклесіархъ (служитель церкви) вошелъ въ церковь, чтобы зажечь лампады, свѣчи, приготовить кадило, а потомъ звонить къ утрени. Вдругъ слышитъ онъ изъ алтаря громкій стонъ. Вздрогнулъ отъ страха монахъ, выбѣжалъ изъ храма и поспѣшилъ къ игумену. Отецъ игуменъ успокоилъ брата, говоря, что ему со сна почудилось, будто кто-то стонетъ въ алтарѣ и послалъ его обратно въ церковь. Экклесіархъ вернулся въ храмъ. Снова услышавъ стоны, онъ опять побѣжалъ къ отцу игумену. На этотъ разъ тотъ пошелъ въ церковь съ перепуганнымъ братомъ. Войдя въ алтарь, онъ увидѣлъ отрока, лежавшаго близь престола. На шеѣ у него висѣлъ каменный жерновъ. Морская вода струилась съ его одежды. Игуменъ сейчасъ же узналъ пастушка.

«Какъ ты очутился здѣсь, дитя мое?»

Пастушекъ словно отъ сна пробудился.

«Лукавые монахи, которыхъ ты послалъ со мною за кладомъ, повѣсили мнѣ на шею жерновъ и бросили въ пучину морскую. На днѣ я вдругъ увидѣлъ двухъ сіяющихъ людей, свѣтлыхъ, свѣтлыхъ, словно Божье солнце. И одинъ изъ нихъ сказалъ другому: «Архангелъ Михаилъ, принеси этого отрока въ монастырь, называемый Дохіаръ». Услышалъ я эти слова. А дальше не знаю, какимъ образомъ оказался здѣсь».

Поразился игуменъ Божію чуду и прославилъ Всемогущаго Господа.

«Дитя мое, оставайся здѣсь до утра, пусть будетъ явлена предъ всѣми злоба человѣческая», сказалъ мальчику отецъ игуменъ.

Онъ вышелъ изъ церкви, заперъ ее и приказалъ экклесіарху никому не говорить о происшедшемъ чудѣ. Утреню приказалъ онъ пѣть въ притворѣ. «Если будутъ спрашивать, что это за новшество, отвѣчай: такъ повелѣлъ игуменъ».

Отецъ игуменъ взошелъ на башню надъ обительскими вратами, и сталъ ждать убійцъ. Настало утро. Вотъ приблизились къ монастырю оба преступника, а съ ними и неповинный монахъ. Злодѣи скрыли уже золото, а теперь съ пустыми руками поднимались по тропинкѣ къ обительскимъ вратамъ. Игуменъ вышелъ навстрѣчу и спросилъ: «Что случилось? Вчера отправились четверо, а сегодня вернулись только трое. Гдѣ же четвертый?»

Убійцы сдѣлали видъ, что гнѣваются и отвѣтили: «Отецъ, и тебя и насъ обманулъ отрокъ. Никакого сокровища онъ не показалъ. А самъ скрылся. Мы поискали его, и не найдя ничего, возвратились».

Отецъ игуменъ вздохнувъ, проговорилъ: «Воля Господня да будетъ». Вздохнулъ онъ, такъ какъ глубоко скорбѣлъ объ ихъ погибшихъ душахъ!

Игуменъ повелъ вернувшися иноковъ въ церковь. Онъ ввелъ ихъ въ алтарь, гдѣ лежалъ пастушекъ въ мокрой одеждѣ, съ которой стекала на каменныя плиты пола вода морская. Старецъ спросилъ: «Кто это?» Убійцы окаменѣли отъ страха. Они стояли, не въ силахъ и слова промолвить. Тотъ, котораго они утопили въ пучинѣ морской, лежалъ передъ ними живымъ, невредимымъ! Кто же какъ ни Самъ Всемогущій Богъ спасъ отрока!

Злодѣямъ пришлось повѣдать о своемъ ночномъ злодѣяніи. Указали они и мѣсто, куда скрыли золото. Игуменъ послалъ за кладомъ. Золото оказалось, дѣйствительно, на томъ мѣстѣ, гдѣ указали преступники. Слухъ о дивномъ Божіемъ чудѣ пронесся по всей Святой Горѣ. Со всѣхъ монастырей собрались монахи въ обитель Дохіарскую. На общемъ Соборѣ рѣшили храмъ монастырскій, созданный въ честь чудотворца Николая, переименовать въ честь Великаго Архистратига Михаила. А во имя святителя Николая впослѣдствіи создали малую церковь.

Соборъ иноковъ проклялъ страшныхъ преступниковъ. Имъ на лицахъ сдѣлали особые знаки, чтобы знали люди, какое они совершили страшное злодѣяніе, и изгнали изъ обители.

Третьяго инока, который уговаривалъ злодѣевъ пощадить неповиннаго мальчика, оставили въ обители. Ему простили, что онъ обѣщался никому не говорить о ночномъ преступленіи по слабости человѣческой, боясь, что и его утопятъ. А пастушекъ остался въ обители. Испытавши на себѣ великое чудо Божье, онъ рѣшилъ всю жизнь прославлять Творца своего. Впослѣдствіи онъ сдѣлался великимъ подвижникомъ. Отецъ игуменъ, на данное отъ Господа золото богато украсивъ храмъ, приказалъ въ стѣну вдѣлать

жерновъ, который былъ на шеѣ пастушка. Сдѣлано это было, чтобы не забыли преславнаго чуда. Послѣ смерти отца игумена выбрали настоятелемъ бывшаго пастушка. Мудро, свято управлялъ онъ обителью и, доживъ до преклонныхъ лѣтъ, блаженно отошелъ ко Господу. Несъ его чистую душу, на небо, въ сіяющій рай Великій Архистратигъ Михаилъ, защитникъ обижаемыхъ. Благодарнымъ сердцемъ прославимъ и мы Отца, и Сына, и Святаго Духа и славнаго Архистратига Михаила.

М. В.

Свѣтлая радость русскаго дѣтства*).

Отъѣздъ.

Прощай мгновенное лѣто, прощай! Милый садъ, другъ мой, товарищъ игръ моихъ, прощай!

Какъ я проживу безъ тебя долгую зиму? Золотыя березки склонилися къ соснамъ. Какъ огоньки трепетали листья осины. Елки словно сережками размахивали длинными, зрѣлыми шишками. Почернѣли ягоды можжевельника. Возлѣ дачи заалѣла рябина. Покраснѣлъ дикій виноградъ, что густо оплеталъ столбы нашей террасы. Зардѣлись листья яблонь, грушъ, сливъ, земляники, клубники. Давно отцвѣли колокольчики, ромашки. Краснѣла еще мелкая, полевая гвоздика, да липкая дрема. Зато осенніе, садовые цвѣты пышно пестрѣли на клумбахъ. Золотой шаръ гордо поднималъ безчисленныя, маленькія солнца, бархатцы пряно благоухали, послѣдніе флоксы весело свѣтлѣли рядомъ съ темнымъ геліотропомъ. Вдоль дорожекъ правильными рядами цвѣли синія, бѣлыя, розовыя астры. Воздухъ стоялъ какъ стеклянный, чистый, прохладный...

Прощалась со всѣми деревьями. На каждой вершинѣ, на которую только залѣзть могла, побывала... Сижу на вѣткѣ, покачиваюсь. Янтарное солнышко золотитъ хвою. Сосна поскрипываетъ. Вѣтеръ поетъ послѣднія пѣсни лѣта. Какая-то неизъяснимо-сладостная печаль сжимаетъ сердце. Прощалась съ лужайками, съ любимыми дорожками, гдѣ надъ головой желтымъ сводомъ склонились березки... Вышла побродить въ поле. Дошла до распутья, перекрестилась на крестъ съ мѣдною, стертою иконой. Быбы дожинали запоздавшую узкую полосу овса. «Богъ на помощь», сказала имъ по обычаю. «Спаси Господь», отвѣтила лас-

*) См. «Православная Жизнь» № 5 май, № 7 іюль 1960 г.

ково молодая плотная баба. Набрала мелкихъ, послѣднихъ васильковъ и вернулась въ садъ. Черезъ недѣлю уѣзжаемъ въ Москву. Грустно.

Три дня передъ отъѣздомъ стояли холодные, пасмурные. По вечерамъ въ дѣтской печь топили. Окна, двери плотно закрывали. Въ теплой комнатѣ пахло сосновыми, некрашеными досками. Въ окна брызгалъ мелкій дождь. Вѣтеръ печально, высоко пѣлъ въ мокрой хвоѣ сосенъ. И вѣтру вторили звуки рояля тихіе, грустные, какъ уходящее лѣто. Печка бросала красную полосу на бѣлыя половицы. Сестра, сидя на скамейкѣ для ногъ и подперевъ ладонями виски, погрузилась въ чтеніе. Я, лежа на шерстяной синей «дорожкѣ», слушала музыку.

Наканунѣ отъѣзда вечеромъ пришелъ Шурикъ со своею матерью, Анной Ивановной. Они уъѣзжали съ дачи позже насъ. Набѣгавшись и наигравшись вдоволь, Шура и я стали тихонько складывать карточный домикъ, на письменномъ столѣ папинаго кабинета. «Вотъ и Шурика я не увижу, можетъ быть, долго, долго», съ грустью подумала я и выдернула изъ его пушистой, шерстяной курточки два сѣрыхъ волоска и положила ихъ себѣ на память въ спичечную коробочку...

День отъѣзда выдался ясный, прохладный. Отецъ нарѣзалъ букетъ садовыхъ цвѣтовъ, и клумбы печально опустѣли. Послѣдній разъ обѣжала «тайну», «море зеленое», теперь ставшее золотымъ, «открытый садъ», перецѣловала Бѣлкиныхъ щенятъ и ихъ нѣжную мать, которые должны были вмѣстѣ съ дворникомъ Захаромъ остаться зимовать на дачѣ. Бѣлка смотрѣла умными, печальными глазами, словно хотѣла сказать: «Вы меня оставляете здѣсь одну, меня, которая каждое утро встрѣчала васъ радостнымъ лаемъ, меня, охранявшую вашъ покой темной ночью, чутко слѣдя за каждымъ шорохомъ, каждымъ хрястомъ вѣтки. Вы оставляете меня, которая васъ любитъ всѣмъ своимъ вѣрнымъ, преданнымъ собачьимъ сердцемъ».

««Мама, мама, Бѣлка плачетъ! Давай возьмемъ ее съ собою въ Москву. Право, у нея изъ глазъ бѣгутъ слезинки», воскликнула я, сама чуть не плача.

«Нельзя, нельзя», утѣшала меня мать, «вотъ подожди, будетъ у насъ въ Москвѣ готовъ свой домъ — тогда возьмемъ, а то куда же на квартиру брать четырехъ дворняжекъ.»

«А вотъ мы и возьмемъ всѣхъ четырехъ дворняжекъ», сказалъ отецъ, « такъ какъ домъ нашъ готовъ и только ждетъ нашего пріѣзда».

«Какъ же такъ, Петръ Алексѣевичъ?» удивилась мать.

«Я приготовилъ вамъ осенній сюрпризъ», отвѣтилъ отецъ.

Я ликовала. Свой домъ на Дѣвичьемъ Полѣ, съ садомъ. Это значитъ — опять приволье, а не узкій, четыреугольный дворъ, гдѣ

съ трудомъ между булыжниками пробивается жидкая, чахлая травка. Я схватила Бѣлку за переднія лапы и затанцовала съ ней. Ура! Мы ѣдемъ вмѣстѣ въ Москву!.

Какъ печально сжалось сердце, когда у калитки прозвенѣли бубенцы.

«Тише», остановила меня мать. Всѣ присѣли въ залѣ возлѣ круглаго стола. Протекло нѣсколько мгновеній полнаго молчанія... Поднялись, перекрестились на образъ и пошли къ таратайкѣ. Прощай, прощай милый домъ! Прощай веселый садъ! Ты стоишь сегодня нарядный, разукрашенный. Ты въ послѣдній разъ улыбаешься теплому солнышку, рдѣешь отъ радости, осыпаешь насъ золотыми листьями. Въ долгіе, зимніе вечера мы будемъ вспоминать тебя веселымъ, яркимъ, какимъ видѣли тебя въ послѣдній разъ. Прощай, прощай — до новой встрѣчи.

Сѣрый, сквозной заборъ скрылся за поворотомъ. Показался рядъ дачъ, стоявшихъ подъ душистымъ навѣсомъ сосноваго бора. Скрылись просѣки, убѣгающія въ темно-зеленую даль. Пріѣхали на станцію за полчаса до прихода поѣзда. «У-у», наконецъ послышался въ лѣсу гудокъ паровоза. Изъ-за поворота выползла пестрая змѣя безконечныхъ вагоновъ. «Тра-та-та, ти-та-ти», гремѣлъ поѣздъ, замедляя ходъ, и замолкъ. Передъ нами сталъ желтый вагонъ второго класса. Держась за руку отца и прижимая къ себѣ букетъ, я вскарабкалась на подножку вагона. Папа, проталкивая меня въ передъ, ввелъ въ купэ. Поѣздъ тронулся. Я провожала глазами круглыя клумбы станціи съ яркими кустами настурцій, желтѣющій вдали березникъ, убѣгающія просѣки. Замелькали островерхія ели, насаженныя вдоль желѣзнодорожнаго пути, показались за поворомъ сѣрыя кровли деревни, гдѣ жила наша молочница, Матрена. Зардѣлъ за холмомъ молодой осинникъ. Прощайте, прощайте, до будущей весны милыя родныя мѣста! Пробѣгали лѣса, перелѣски, овражки. Поблескивали пруды, рѣчки, ярко зеленѣли болота. Пролетали будки, полустанки, гремѣли мосты. Въ окна рвался свѣжій, прозрачный воздухъ. Мелькали деревни, села, со скромно бѣлѣющими церквами и, наконецъ, встала вдали слегка туманная, купаясь въ солнечной пыли, блестя золотыми главками церквей, сіяя неисчислимыми крестами, древняя родная Москва.

«Вотъ она, матушка наша Бѣлокаменная», сказалъ отецъ.

Потянулись безконечные огороды, одноэтажные домики пригородовъ. Стѣны надвинулись ближе. Стукъ колесъ отзывался въ нихъ гулкимъ эхомъ и, наконецъ, поѣздъ въѣхалъ подъ стальной навѣсъ перрона. Городъ обдалъ шумной крикливой волной. Около вокзала, въ кольцѣ извощичьихъ пролетокъ отецъ замѣтилъ экипажъ и стройнаго, стального коня.

«Иванъ, сюда», подалъ онъ кучеру знакъ. «Это моя послѣдняя покупка. Кажется, Елизавета Ивановна, конь-то хорошъ.»

Я чуть не запрыгала отъ радости. Свой конь, свой экипажъ на настоящихъ, какъ у лихачей, толстыхъ шинахъ. Вотъ весело!

«Папа, какъ зовутъ нашу лошадь?», спросила я, когда конь сильно, красиво пошелъ, четко выбивая по звонкимъ камнямъ мостовой плавный, быстрый ходъ.

«Стальной. Посмотри: онъ весь какъ литой, одноцвѣтный, безъ отмѣтинъ.»

Поплыли длинныя, долгія улицы, высокіе дома, сады, фонтаны, лавки и, наконецъ, надвинулся кипящій центръ. Заблестѣли витрины магазиновъ, загудѣла уличная толпа. Проѣхали Ильинку. Вонъ зубчатыя стѣны Кремля, башни съ темно-зелеными, словно мхомъ поросшими, верхушками. Тамъ вырѣзной, диковинный, съ пестрыми главками храмъ Василія Блаженнаго...

Отецъ снялъ шляпу, мать перекрестилась — проѣхали подъ Спасскими воротами. Тишиной повѣяло, древнею святостью. Справа встала, словно изъ кости точеная, тонкая церковь Вознесенскаго монастыря. Открылась синяя даль, ширь Замоскворѣчья, убѣгающая лента рѣки съ темными полосами перекинутыхъ мостовъ. Надвинулся мощный, тяжелый Успенскій Соборъ. Величаво проплыли дворецъ и Грановитая палата. Мелькнули ворота, и экипажъ покатился съ горы, мимо Александровскаго сада. Снова охватилъ уличный водоворотъ. Дали сузились, и вскорѣ опять открылись. Поднялся величественный, спокойный, бѣлый Храмъ Христа Спасителя. Выѣхали на Пречистенку. Дома стали ниже, шумъ затихъ. Изъ-за заборовъ выглянули желтые тополя, темныя вершины аллей. У меня сердце дрогнуло. Какъ-то тамъ, далеко стоитъ безъ меня разукрашенный, нарядный садъ? Кто поздравитъ его съ веселымъ, добрымъ утромъ, кто шепнетъ ему: «Покойной ночи», въ свѣтлые дни съ нимъ порадуется, пожалѣетъ въ печальные? Для кого онъ принарядился въ золотыя, багряныя одежды?

«А я насадилъ еще съ весны молодой садъ возлѣ нашего дома. Яблони совсѣмъ большими посажены были. Нѣкоторыя изъ нихъ погибли. А тополя да каштаны совсѣмъ молодцомъ смотрятъ. Весь садъ въ цвѣтахъ», разсказывалъ отецъ.

«Садъ-то будетъ, да все-жъ не мой любимый», подумала я.

Пахнуло чистымъ какъ на дачѣ воздухомъ. Дунулъ свѣжій, тихій вѣтеръ, закружилъ опавшіе темно-золотые листья. За площадью вдаль побѣжали тополя, клены, липы бульвара. Шумный городъ остался позади. Выѣхали на Дѣвичье Поле, съ тихими особняками, тонущими въ садахъ, съ бѣлыми, правильными рядами клиникъ.

«Когда все застроиться только успѣло», удивлялся отецъ. «Въ дѣтствѣ моемъ здѣсь поистинѣ одно поле было, куда скотину выгоняли. Земля здѣсь была сочная, жирная. Помню весною ходили сюда съ мамашею и братьями незабудки собирать. Э-эхъ! времячко летитъ!»

Колеса мягко прошелестѣли по песку только что заново вымощеннаго переулка.

«А вотъ я и сразу узнала какой нашъ домъ», сказала Лида. «Самый новый, темно-желтый. Напротивъ него пирамидальные тополя насажены.»

Сестрица угадала. Въ воротахъ уже стояла старуха Матрена, дочь папиной няни, а за нею я замѣтила незнакомую бабку съ веселымъ, круглымъ лицомъ. Она мнѣ сразу понравилась.

«Какъ тебя зовутъ, старушка?», спросила я ее, выйдя изъ экипажа.

«Меня-то, барышня, да Кузькина мать.»

«Ахъ, у тебя есть сынъ Кузьма, Кузька?»

«Нѣ-ѣтъ, это моя поговорка такая: Кузькина мать, да Кузькина мать, вотъ меня всѣ такъ и прозвали.»

«А ты что здѣсь дѣлаешь!»

«Да у вашего папаши въ ихней мастерской куфаркой для рабочихъ служу.»

Я вошла въ ворота. Ярко желтый дворъ, посыпанный пескомъ. За деревяннымъ, недавно выкрашеннымъ заборомъ пестрѣлъ молодой садъ. Тамъ поднималась высокая, сочная конопля, по шестамъ вился дикій виноградъ, фигурныя тыквы. Низкіе клены трепетали желтѣющими листьями, пронизанными алыми жилками. Между кустовъ смородины мутно смотрѣли запотѣлыя стекла парника. Я обѣжала небольшой, но уютный садъ и вошла въ домъ. Пахло новыми обоями, краской, лакомъ. Въ большія окна заглядывало синее небо, и солнце играло на плиткахъ паркета, натертаго къ нашему пріѣзду. Я узнала нашу старую мебель гостиной краснаго дерева. На диванѣ все та же подушка съ выпуклыми, шерстяными щенятами, стеклянные глаза которыхъ еще были выковырнуты моимъ умершимъ братцемъ Леничкой. Со стѣнъ смотрѣли все тѣ же картины, знакомыя съ ранняго дѣтства: «Грачи прилетѣли», «Золотая осень». Вонъ тихое, голубое море съ рыжимъ островомъ, вонъ избушка возлѣ ручья, вѣтряная мельница подъ вечернимъ небомъ, священникъ, исповѣдующій плачущую молодую женщину, букетъ полевыхъ цвѣтовъ и уголокъ заросшаго сада. Въ кабинетѣ отца все также чинно смотрѣлъ портретъ красивой бабушки, Аграфены Васильевны, съ бѣлой шеей, окаймленной темнымъ мѣхомъ, гладкой прическою, длинными жемчужинами въ ушахъ. Рядомъ въ тем-

но-золотой рамѣ висѣлъ дѣдушка, Алексѣй Александровичъ, съ большими сѣрыми глазами, темноволосый, съ правильными чертами грустнаго лица. И бабушка и дѣдушка, родители отца, давно, давно умерли. Я знала по разсказамъ матери, что Аргафена Васильевна была крестьянкою, а дѣдушка былъ такой же какъ и папа московскій купецъ. Онъ разъ въ селѣ увидѣлъ дѣвушку красавицу и женился на ней.

Все такъ же висѣли врядъ портреты умершихъ пяти дядей братьевъ отца. Изъ черной рамы не по дѣтски-печально смотрѣлъ покойный шестилѣтній Ленечка, маминъ первенецъ. Въ дѣтской все тѣ же шторы съ букетами васильковъ, все та же моя чинаровая кровать съ закругленными, какъ у колыбели ножками. Въ столовой все тотъ же высокій кіотъ съ многочисленными иконами. Темный ликъ Божіей Матери благостно смотрѣлъ въ рамѣ серебряной ризы, съ мерцающими аметистами и мелкими жемчугами. Вонъ старая икона «Всѣхъ Святыхъ». Ряды, уходящихъ, безконечныхъ вѣнцовъ-сіяній съ еле замѣтными, потускнѣвшими отъ времени ликами. Строго смотрѣла великомученица Елизавета, скорбная, съ тонкимъ ликомъ, въ темно-малиновыхъ одеждахъ. Свѣтлѣлъ ангелъ святой Лидіи, красивый, съ каштановыми волосами, разсыпанными по плечамъ. И почти улыбалась юная мученица Вѣра, бѣлокурая, съ розовыми щеками, въ лазоревыхъ одеждахъ. Изъ сосѣдней проходной комнаты тихо сіялъ мой любимый, свѣтлый образъ Спасителя. Онъ былъ словно сотканъ изъ воздуха, свѣта, мягкихъ тѣней. Когда взрослые смотрѣли на образъ они говорили: «Итальянская школа. Удивительная работа!» Въ спальной попрежнему стоялъ второй кіотъ съ вѣнчальными свѣчами моей матери, съ желтыми вѣночками воскового жасмина. На малиновомъ бархатѣ тускнѣлъ серебрянный складень, съ полустертыми ликами святыхъ. Въ кіотахъ были выдвижные ящики. Тамъ хранились пасхальныя, четверговыя свѣчи, сухія просфоры, связки свѣтиленъ, натѣльные, старые крестики, бумажныя иконы, иконки на перламутрѣ.

Въ новомъ домѣ все было милое, старое, родное, восходящее къ воспоминаніямъ дѣтства, къ полудремѣ младенчества.

М. В.

Учительное Евангелие

Приснопамятнаго епископа Игнатія Брянчанинова.

О чистотѣ.

Мы для того и вступаемъ въ монастырь, чтобъ открыть въ себѣ скрытно живущія страсти и отношеніе нашего естества къ духамъ злобы, которымъ оно поработилось произвольно. Для того мы разрываемъ узы съ міромъ, оставляемъ общество человѣковъ, родственниковъ, имущество, чтобъ увидѣть наши внутреннія узы и расторгнуть ихъ десницею Господа (Преп. Макарій Великій. Бесѣда 21). Второе не имѣетъ мѣста если предварительно не совершено будетъ первое. Тогда только мы можемъ придти въ смиреніе духа, когда увидимъ въ самихъ себѣ паденіе человѣчества, его плѣнъ, жестокое господство надъ нами демоновъ и вѣчной смерти; только тогда можемъ возопить къ Богу молитвою и плачемъ изъ глубины сердца, отъ всея души, и такимъ воплемъ, такимъ сознаніемъ своей погибели и безпомощной немощи привлечь къ себѣ Божественную благодать. По этой причинѣ воздымающіяся брани въ насъ самихъ содѣйствуютъ нашему духовному преуспѣянію, если мы боремся мужественно, а не поддаемся малодушно побѣжденію. Преподобный авва Дороѳей повѣствуетъ, что ученикъ нѣкотораго великаго старца подвергся плотской брани. Старецъ, видя трудъ его, сказалъ ему: Хочешь ли, я помолюсь Богу, чтобъ Онъ облегчилъ тебѣ брань? — Ученикъ отвѣтилъ: Отецъ мой! хотя я и тружусь, но вижу въ себѣ плодъ отъ труда: лучше помолись Богу, чтобъ Онъ далъ мнѣ терпѣніе въ брани. «Таковъ — истинно хотящій спастись!» восклицаетъ преподобный Дороѳей по окончаніи повѣсти (Поученіе 13 о терпѣніи искушеній). Сказывалъ преподобный Пименъ Великій о великомъ Угодникѣ Божіемъ, Іоаннѣ Коловѣ, въ назиданіе и утѣшеніе братьямъ, что онъ умолилъ Бога, и былъ избавленъ отъ дѣйствія похотѣній, отчего пребывалъ въ ненарушимомъ спокойствіи. Тогда онъ пошелъ къ нѣкоторому, весьма опытному въ духовной жизни старцу, и повѣдалъ ему совершившееся съ нимъ. Старецъ отвѣчалъ: «Поди, молись Богу, чтобъ возвратились къ тебѣ брани и то сокрушеніе и смиреніе, которыя ты прежде имѣлъ по причинѣ браней: потому что при посредствѣ ихъ душа приходитъ въ преуспѣяніе» *). Не будемъ же предаваться смущенію, унынію, малодушію, разслабленію, когда возстанутъ въ насъ свирѣпыя волны вожделѣнія, и помыслы, какъ сильные вѣтры, напа-

*) Алфавитный Патерикъ и Достопамятныя сказанія о Іоаннѣ Коловѣ, гл. 12.

дутъ на насъ! Воспротивимся грѣху: борьбою этою выработаемъ живую вѣру въ Бога и живое познаніе Бога.

Много и часто мы вредимъ себѣ, требуя отъ себя несвойственнаго намъ. Такъ: едва вступившіе въ подвигъ, пропитанные, такъ сказать, и преисполненные вожделѣніемъ, хотятъ, чтобъ въ нихъ не было сочувствія къ помысламъ, мечтаніямъ и ощущеніямъ плотскимъ. Оно существуетъ; оно естественно; оно не можетъ не быть. Безразсудно — искать невозможнаго. Вожделѣніе по необходимости должно возникать изъ зараженнаго имъ естества; но едва оно возникнетъ въ какомъ бы то ни было видѣ, мы должны немедленно, съ насиліемъ себя, противодѣйствовать ему вышеприведенными способами. Мы должны въ противность сильной волѣ всего естества, дѣйствіемъ слабой воли одного ума (Римл. VII, 23), руководимаго Словомъ Божіимъ, вырваться изъ нашего плѣна, изъ нашей ветхости, изъ нашего падшаго естества. **Царствіе небесное нудится,** сказалъ имъ Господь, и только тѣ, которые понуждаютъ себя, поборая грѣховную волю свою, **восхищаютъ е** (Матѳ. XI, 12). Когда уже благодать Божія начнетъ явно помогать намъ: то первый признакъ ея вспоможенія есть **неслагающійся помыслъ,** какъ говоритъ святый Іоаннъ Лѣствичникъ (Сл. 15, гл. 9): то есть является мало по малу въ умѣ несочувствіе къ блуднымъ помысламъ и мечтаніямъ, вмѣсто прежняго сочувствія, отъ котораго происходили увлеченіе и побѣжденіе при всякомъ случаѣ, когда для сопротивленія не употреблено было особеннаго усилія.

Дѣвственники, то есть тѣ, которые не вкусили смерти душевной дѣйствительнымъ впаденіемъ тѣла въ блудъ! храните ваше дѣвство, какъ драгоцѣнное сокровище: при правильномъ монашескомъ жительствѣ вы не замедлите ощутить такъ называемое святыми Отцами духовное дѣйствіе *), или дѣйствіе Святаго Духа на душу, дѣйствіе, которое сообщается душею тѣлу, и опытно удостовѣряетъ насъ, что тѣла наши сотворены для наслажденія духовнаго, что они низошли къ сочувствію наслажденіямъ скотоподобнымъ по причинѣ паденія, что они могутъ возвратиться къ сочувствію наслажденіямъ духовнымъ посредствомъ истиннаго покаянія. Увы! даже знаніе о существованіи способности тѣла человѣческаго къ ощущенію духовному утрачено человѣками, трубящими о своемъ многознаніи. Возвѣщеніе о этой способности выслушивается съ недовѣрчивостію, какъ ученіе новое и странное. Не ново оно, и не странно! разсмотрите Писаніе Святыхъ Отцовъ: вы найдете въ нихъ это ученіе. Ознакомившись съ нимъ короче, вы найдете его въ Священномъ Писаніи. Искупленіе, дарованное человѣчеству Богомъ, преисполнено неизреченными, существенными благами, свидѣтельствуется ими; но мы, довольствуясь поверхностными познаніями по буквѣ, не хо-

*) См. Инока Ѳеофана Лѣствица, Доброт., ч. I. Также главы Преп. Григорія Синаита, преданіе Преп. Нила Сорскаго, и сочиненія многихъ другихъ св. Отцовъ.

тимъ стяжать познаній опытныхъ, требующихъ распятія (Гал. V, 24), и потому лишаемъ себя познаній живыхъ. Измѣняется чувство сердца, причастившагося наслажденію духовному. Такое сердце начинаетъ питать отвращеніе къ сладострастію, съ ревностію противиться влеченіямъ и внушеніямъ его, съ плачемъ вопіять къ Богу о избавленіи изъ этой смрадной тины.

Приведенные промысломъ Божіимъ къ состоянію вдовства, желающіе или долженствующіе нести иго этого состоянія! не остановитесь прибѣгнуть съ теплою и смиренною молитвою къ Богу, и Онъ дастъ вамъ побѣду и надъ естествомъ и надъ навыкомъ вашимъ, укрѣпившимъ и поддерживающимъ силу и право естества. Не отрекитесь потерпѣть кратковременную скорбь борьбы съ собою: ничего не значитъ эта скорбь предъ утѣшеніемъ, являющимся отъ побѣды; ничего не значитъ эта скорбь предъ ощущеніемъ свободы, которая является въ душѣ вслѣдъ за побѣдою.

Находящіеся въ пропасти прелюбодѣянія и разврата! услышьте голосъ, призывающій васъ къ покаянію, и примите отъ всемогущаго врача, Бога, предлагаемое Имъ всемогущее врачество покаянія. Врачество это уже испытано. Оно содѣлало прелюбодѣевъ образцами цѣломудрія, и развратныхъ святыми и праведными. Оно претворило сосуды діавола въ сосуды Святаго Духа, — и многіе покаявшіеся грѣшники оставили далеко за собою на поприщѣ духовнаго преуспѣянія непознавшихъ смертнаго грѣха подвижниковъ. Достоинство каждаго христіанина составляетъ Искупитель, и тотъ изъ человѣковъ выше другихъ по достоинству своему, кто существеннѣе усвоилъ себѣ Искупителя.

Многіе святые Отцы, проводившіе жизнь дѣвственную, называли себя скверными и прелюбодѣями; мало этого! нѣкоторые изъ нихъ, будучи оклеветаны въ грѣхѣ блудномъ, не принесли никакого оправданія, хотя оно было очень удобно для нихъ, и подчинили себя наказанію и скорбямъ, какъ бы дѣйствительно виновные. Таковое поведеніе, при поверхностномъ взглядѣ на него, можетъ показаться страннымъ: оно объясняется свойствомъ подвига, которымъ израбатывается святая чистота. Этимъ подвигомъ такъ ясно обнаруживается паденіе естества, такъ осязательно доказывается подвижнику неизбѣжное подчиненіе его требованію падшаго естества, еслибъ изъ области естества не исхитила его десница Божія, что онъ не можетъ не признавать собственно себя прелюбодѣемъ. Чистота его есть дѣло Божіе въ немъ, а отнюдь не свойство естества и не плодъ его усилій. Продолжительность времени подвига имѣетъ значительное вліяніе на составленіе и усвоеніе таковаго понятія о себѣ. Съ достовѣрностію можно утверждать, что Святые Божіи признаютъ себя оскверненными любодѣяніемъ несравненно болѣе, нежели тѣ, которые, живя жительствомъ плотскимъ

непрестанно утопаютъ въ любодѣяніи. Изъ такого самовоззрѣнія свя-
ый Василій Великій, архіепископъ Кесаріи каппадокійской, мужъ,
сполненный Святаго Духа, произнесъ о себѣ слѣдующее изреченіе:
Не позналъ я жены, и я — не дѣвственникъ» *). Какое глубокое
увство плача слышится изъ этого изреченія!

Безпредѣльная милость Божія да даруетъ намъ приблизиться
ъ святой чистотѣ Святыхъ Божіихъ и къ ихъ святому смиренію.
минь.

(Продолженіе слѣдуетъ).

*) Преподобный Кассіанъ Римлянинъ, книга VI о духѣ любодѣянія, гл. 19.

Имѣется на складѣ:

Законъ Божій

для семьи и школы

со многими иллюстраціями (около 300).

Составилъ **Свящ. Серафимъ Слободской.**

Въ книгѣ 576 страницъ.

Цѣна въ хорошемъ переплетѣ $ 6.-

Приложеніе къ учебнику ЗАКОНА БОЖІЯ того же автора

Краткій сборникъ статей апологетическаго содержанія.

(въ помощь родителямъ и воспитателямъ).

Цѣна при учебникѣ 50 ¢., въ отдѣльной продажѣ $ 1.-

ИСТОРІЯ ХРИСТІАНСКОЙ ЦЕРКВИ,

Протоіерея Петра Смирнова.

(Перепечатанная фотографическимъ способомъ съ двадцать третьяго дореволюціоннаго изданія, 275 стр. 1957 г).

Книга въ коленкоровомъ переплетѣ, съ золотымъ тисненіемъ. Цѣна 3. 50 долл.

Краткій молитвословъ

съ объясненіемъ молитвъ. Молитвословъ напечатанъ гражданскимъ шрифтомъ, карманнаго формата, 107 стр. и содержитъ: краткія молитвы: утреннія, вечернія, и въ продолженіи дня, Символъ Вѣры, Объясненіе молитвъ и заповѣдей блаженства и Моисеевыхъ, тропари и др. молитвы. Цѣна 50 ¢.

«Родина»

РУССКАЯ ХРЕСТОМАТІЯ. Книга посвящается русскимъ дѣтямъ. Перепечатано фотографическимъ способомъ съ двадцатаго изданія. Въ книгѣ 416 стр. и много иллюстрацій.

Въ переплетѣ $ 6.00 + пересылка 30 ¢.

Краткая Русская Исторія

въ очеркахъ и біографіяхъ, со многими иллюстраціями. Составилъ К. Воскресенскій. Изданіе 28, перепечаталъ Архимандритъ Пантелеймонъ. 1958 г. 136 стр., въ коленкоровомъ переплетѣ. Цѣна $ 1.80

Этимологія Русскаго Языка

А. Кирпичникова и Ѳ. Гилярова.

Цѣна 50 ¢.

Синтаксисъ Русскаго языка

А. Кирпичникова.

Цѣна 25 ¢.